

What is the ideal city size? This issue has been discussed for tens of centuries. Historical and architectural studies have revealed that in long perspective cities sort of pulsate, shrinking and expanding in different epochs and periods. S. Sementsov has determined three cycling periods in the life of Saint Petersburg (including the preceding settlements in the same place). During the period of its extensive development, the city expands very quickly, and the primary urban fabric evolves either on new territories or by means of “swallowing” the adjacent settlements. Then comes the intensive period, when the city is rebuilt and redesigned, and its stable scaffold, several complexes and ensembles are worked out. And finally, at the stage of compositional enhancement, the integrated city composition (agglomeration) matures, and the main city ensembles are built (or reconstructed). At this stage the city shrinks, yielding a

part of the previously captured territory to the suburbs to draw it inside again in the next cycle.

The phase of shrinkage is not necessarily accompanied by geographical decrease of the city area. It is rather an increase in housing and accommodation density: at the stage of intensive development – by means of increased number of floors and decreased number of public spaces, and at the stage of enhancement – through optimizing the use of the existing area. The stage of enhancement is not accompanied by population growth; only the quality of urban milieu is improved due to fine regulation and more reasonable city infrastructure.

As early as the 1870s the works by a prominent town planner, Ildefonso Cerda i Sunyer, devoted to Barcelona’s urban planning showed the harmony the city structure could reach at the stage of enhancement. The principles defined by Cerda are: high percentage of the city area

Счастье для всех И пусть никто не уйдет обиженным

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Дискуссия о том, какого размера должен быть идеальный город, насчитывает уже не одно тысячелетие. Существует легенда, что Александр Македонский лично участвовал в проектировании столицы мира – Александрии. Угодливые придворные предложили построить город, превосходящий величиной и Вавилон, и Мемфис, и вообще все известные города. Однако великий человек пресек эти планы, предвидя неразрешимые проблемы транспортно-логистического характера. «Мы не сможем ни снабжать такой город продовольствием, ни вывозить из него отходы!» – якобы произнес Александр, и город его имени построили вполне соразмерным. Правда, все равно он получился гораздо больше, чем рекомендовал Аристотель, учитель Александра. Число жителей идеального города философ вычислил как произведение первых семи чисел (факториал семи), и оно оказалось равным 5 040 человекам.

Однако ни воля великих мира сего, ни расчеты мудрецов так и не определили оптимальные размеры города. Остается открытым и вопрос о самом существовании такого размера городов, который можно было бы признать оптимальным. Исследования на границе истории и архитектуры показали, что в глубокой перспективе города как бы пульсируют, сжимаясь и расширяясь в разные эпохи и периоды. Так, С. В. Семенцов выделил циклически повторяющиеся три периода в жизни Санкт-Петербурга (включая предшествующие ему поселения на том же месте). Во время экстенсивного периода развития город быстро расширяется, и первичная городская ткань создается либо на новых территориях, либо за счет «проглатывания» соседних поселений. Затем наступает интенсивный период, когда город перестраивается и перепланируется, вырабатывая устойчивый структурный каркас, отдельные комплексы и ансамбли. Наконец, в стадии композиционного совершенствования происходит вызревание единой композиции города (агломерации), создание (или реконструкция) главных городских ансамблей. На этой стадии развития город сжимается, уступая часть ранее захваченной территории пригороду – чтобы на следующем цикле вновь втянуть окраины внутрь себя. По подсчетам С. В. Семенцова, подоб-

ные циклы в развитии Санкт-Петербурга повторяются с периодом в сто десять – сто двадцать лет¹.

Фаза сжатия не обязательно сопровождается географическим сокращением площади города. Скорее, тут речь идет о росте плотности застройки и заселения – на стадии интенсивного развития за счет повышения этажности и сокращения общественных пространств, а на стадии совершенствования – за счет оптимизации использования имеющихся площадей. Стадия совершенствования не сопровождается увеличением населения, растет лишь качество городской среды – за счет тонкой регулировки и все более разумного устройства городской инфраструктуры. Работы гениального градостроителя Ильдефонсо Серда-и-Суньер по планировке Барселоны еще в семидесятых годах XIX века показали, какой высокой гармонии может достичь структура города на этой стадии его развития². Его книга «Теория урбанизма» вышла в 1867 году³, но до сих пор остается идеологической основой для новейших течений в урбанистике, например для движения «новый урбанизм» (New Urbanism, NU)⁴. Открытые Серда принципы – высокий процент площади города, отведенной под дороги и под озеленение, плотная сетка кварталов, высокое качество и индивидуальность пешеходной среды, многофункциональность, экологическая устойчивость, социальное разнообразие среды – до сих пор остаются желанным идеалом для большинства городов мира. Одна из основных задач не дать расплываться пригородам (suburbs), возродить внимание к малому городу и к «городу в городе», и эту точку зрения многие современные архитекторы воспринимают в качестве не подлежащего сомнению постулата⁵.

Но вот, сменяется стадия цикла – и по тем же экономическим и эстетическим причинам вдруг оказывается, что гораздо выгоднее развивать пригороды, расширяя территорию города. Вновь оживают мечты о городахадах. Вспоминаются опыты Говарда и Мельникова, Зеленоград, Левиттаун и Докленд, и образы корбузианского Лучезарного города вновь обретает свою манящую привлекательность.⁶ При желании в фазе расширения города также можно выделить две стадии – период романтического увлечения идеями цветущих пригородов и их экономических преимуществ сменяет-

1. Семенцов С. В. Градостроительное развитие Санкт-Петербурга в 1703–2000 годах : автореф. дис. ... д-ра архит. СПб., 2007.

2. Журавская А. Корень проблемы : беседа с В. Глазичевым // Дайджест недвижимости. № 8 (37). 2008. – <http://www.d-n.ru/articles/537>

3. Ildefonso Cerda. Teoría General del la Urbanización (1867). General Theory of Urbanization Barcelona : Electa Spain: 1992.

4. Katz, Peter. The New Urbanism: Toward an Architecture of Community. New York: McGraw-Hill, 1994.

5. Залетова Е. А. К вопросу формирования основ планировочной культуры у студентов градостроительной специальности // Известия КазГАСУ. 2009. №1 (11). С. 55–58.

allocated for roads and planting, a compact grid of blocks, high quality and distinctive character of pedestrian milieu, multi-functionality, ecological sustainability, socially diverse environment. These principles remain ideal for the majority of cities all over the world. One of the main goals is to prevent the suburbs from sprawling, and to attract attention to a small town and to “a city within a city”.

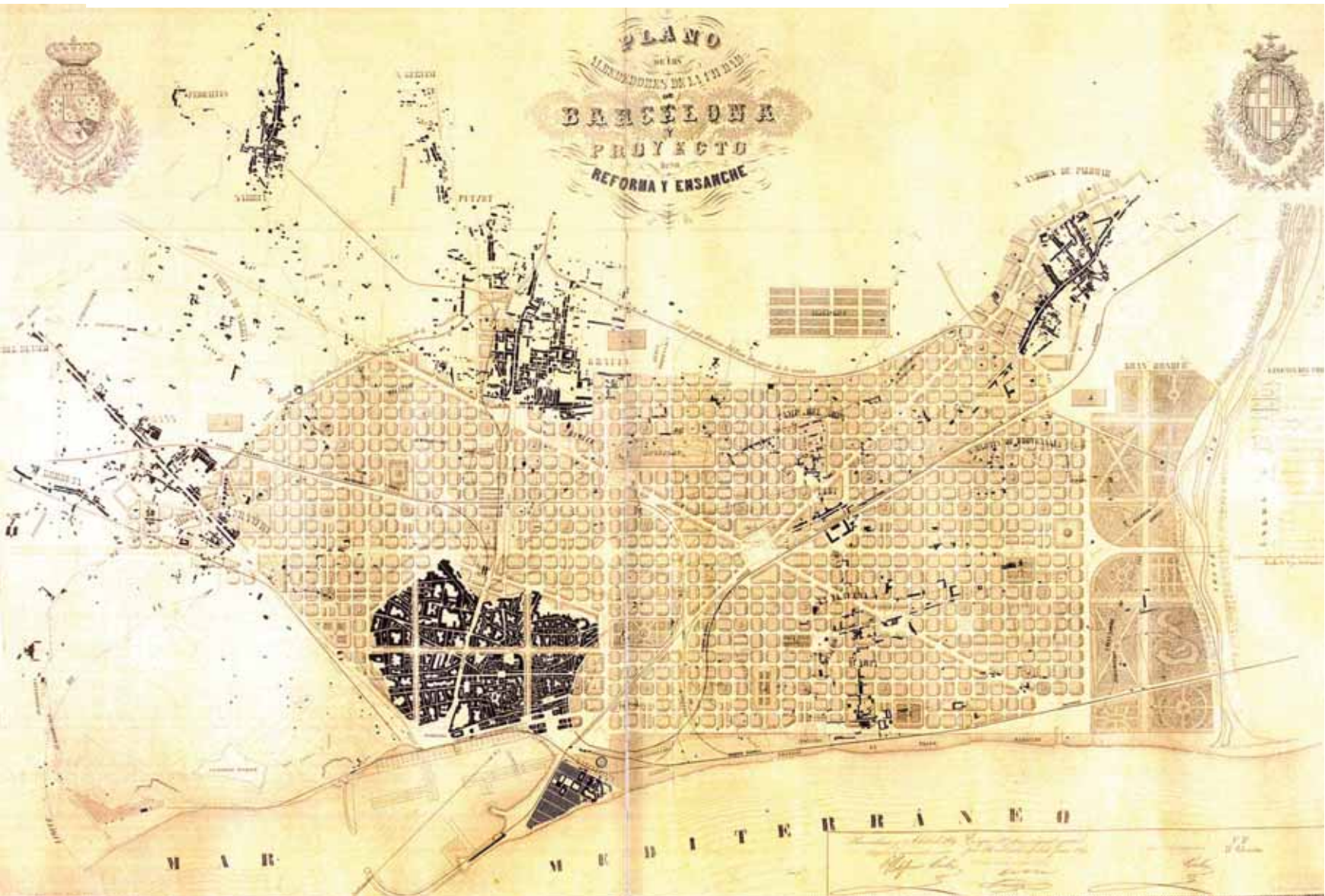
At the next stage of the cycle, according to the same economic and aesthetic reasons, it becomes more advantageous to develop the suburbs and extend the territory of the city. The dreams about garden cities come alive again. The experiments carried out by Howard and Melnikov, Zelenograd, Levittown and Dockland, and the Radiant City by Le Corbusier regain their attractiveness. The phase of urban expansion can be divided into two stages: the period of romantic enthusiasm for the ideas

субурбия / suburbia

Happiness for Everybody and no one will go away unsatisfied

в План Барселоны из книги Ильдефонсо Серда-и-Суньера. Необычная модульная сетка кварталов в форме закругленных квадратов – основа бесконечного разнообразия конкретных решений для каждого уголка города

6. Проблема города-сада и городов-спутников был посвящен ПБ9.

7. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Проект Байкал. 2008. № 9. С. 24-28.

8. Зитте К. Городское строительство с точки зрения его художественных принципов / пер. с 5-го немецкого издания проф. И. И. Вульфферт. М. : Московский губернский инженер, 1925. 132 с

9. Зитте К. Художественные основы градостроительства. М. : Стройиздат, 1993.

10. Щусев А. О книге К. Зитте... // Строительство Москвы. 1925. № 12. С. 39.

11. Так, российские теоретики «города-сада» выступили в период, когда историческая пульсация поворачивала в обратную сторону – от расширения к сжатию. Их поэтические призывы не были услышаны, и проекты развития пригородов остались в основном на бумаге. См.: Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР, 1917–1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). Иркутск : Изд-во Ирк. гос. техн. ун-та., 2008. 338 с.

of blooming suburbs and their economic advantages is succeeded by the period of severe criticism, when the suburb becomes synonymous to chaos, decay and hatred.

At the stage of city expansion and development of new suburbs, the adherents of this idea appeal to reason, speaking about sanitation and hygiene, logistics and the theory of transport systems. On the contrary, the apologists of shrinkage use passionate and figurative words, appealing to aesthetic perception of urban milieu. Then, at the stage of shrinking, when the cities stop sprawling extensively, the supporters of the two opposite theories exchange their styles: the suburbs begin to be poetized, and densification of the urban core is provided with logical and economic grounds. Consequently, either shrinkage or expansion of the cities is announced to be senseless, immoral and inhuman in its turn.

In the early 1960s Jane Jacobs, a journalist, wrote a book called “The Death and Life of Great American

ся периодом жесткой критики, когда само понятие пригорода становится синонимом хаоса, распада и ненависти⁷.

Такие полярные колебания в отношении градостроителей к пригородам наводят на вполне правомерный вопрос: а способна ли вообще экономика дать однозначное обоснование для выбора путей развития городов? Если экономическими выкладками можно с равным успехом обосновать как расширение, так и сжатие городских структур, то чего стоит такое обоснование?

Да ничего не стоит – до тех пор, пока мы будем противопоставлять чисто денежную сторону вопроса стороне эмоциональной, эстетической. Такое противопоставление имеет свои, достаточно глубокие корни. Почти одновременно с книгами Ильдефонсо Серда-и-Суньера вышли два фундаментальных труда немецких урбанистов. Книга Рейнгарда Баумайстера «Расширение городов в техническом, строительнопольцейском и хозяйственном отношениях» рассматривала, как видно из архаично-пространного названия, рассудочные основания процессов развития пригородов. На фоне ускоряющегося технического прогресса книга Баумайстера недолго оставалась актуальной, и сегодня она представляет в основном исторический интерес. На русский язык не переводилась и вряд ли будет переведена в ближайшее время.

Иное дело – произведение Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства» (Der Stdttebau nach seinen künstlerischen Grundsätzen). Книга, написанная живым, полемическим языком и полная ярких образов, многократно переиздавалась в Германии. На русский язык впервые переведена в 1923 году⁸, а последнее ее переиздание вышло уже в 1993⁹. «Трактует она о восприятии красот древней культуры градостроительства с ее вдумчивым и гениальным подходом к разнообразным задачам жизни города – будь то планировка площади, улицы, памятника, церкви или общественного здания. Искренняя борьба Зитте против рутинной казенной шахматной планировки городов, процветавшей во второй половине XIX века, даже до настоящего времени, и отражавшей классические мысли выродившегося ампира, эпигон-

Cities”. It is still considered the most influential work on the theory of urbanism of the XX century. She wrote her book when the phase of shrinking that began in the 1910-20s was coming to the end. The phase of extensive expansion typical of the 1960s and the following few decades was drawing near. Therefore, suburban development in that period was supported by reasonable arguments, and first of all, economic ones. The pathos of Jane Jacobs’s book was against those arguments. However, her angry and bitter remarks are also quite true in relation to the opposite period, when economic interests serve as the grounds for densification and reconstruction of the city’s historical core.

In the same year, 1961, Lewis Mumford published his great book “The City in History”. If we compare it with his book “The Culture of Cities” published in 1938, we can easily notice how the author’s style and arguments changed. The end of the 1930s is a period of triumphant

ски повторяемые тупыми чиновниками в Европе и Америке, – заслуживала и заслуживает всемерной поддержки», – писал о ней А. Щусев¹⁰.

Противопоставление этих двух работ определило весь последующий ход полемики о пригородах и даже стилистику противоборствующих сторон. На стадии расширения городов и строительства новых пригородов их сторонники упирают на доводы рассудочного характера, апеллируют к санитарии и гигиене, к логистике и теории транспортных систем. Напротив, апологеты сжатия на этой стадии пишут горячо и образно, призывая к эстетическому восприятию городской среды. Затем, на стадии сжатия, когда города перестают экстенсивно расплзаться, сторонники двух противоположных теорий меняются стилями: пригороды начинают воспеваться с поэтическим вдохновением¹¹, а уплотнение городского ядра обосновывается логическими и экономическими аргументами. Соответственно, то сжатие, то экспансия городов поочередно объявляются делом безрассудным, безнравственным и антигуманным.

В начале шестидесятых годов прошлого века в свет вышла книга, написанная журналисткой Джейн Джекобс¹². Книгу «Смерть и жизнь великих американских городов» называют самой влиятельной работой по теории урбанизма за весь XX век, она переведена на множество языков и напечатана общим тиражом более четверти миллиона экземпляров – небывалое число для такого специального труда.

Джекобс пишет: «Экономическое «обоснование» нынешней реконструкции городов – чистое надувательство. Экономика этой реконструкции зиждется отнюдь не только на «прочном инвестиционном фундаменте» государственного субсидирования за счет налоговых поступлений, как заявляют ее теоретики, но и на громадных недобровольных субсидиях от беспомощных жертв принудительного отчуждения собственности на реконструируемых территориях. А рост налоговых поступлений от таких территорий в городской бюджет в результате этих «инвестиций» — одна лишь видимость, пустышка на фоне все возрастающих объемов государственных денег, необходимых для борьбы с дезинтеграцией и нестабильностью, которые поро-

shrinkage, when Moscow and Berlin were massively reconstructed under the supervision of dictators, and skyscrapers were built in New York and Chicago. Mumford suggested an idea of the city as a “civilization machine” and offered to include the relationships between people and the structure of social connections – “economy of cultural heritage” – into the sphere of rational analysis. 22 years later, at the end of the period of shrinkage, Mumford in “The City in History” created a poetical, almost mystical picture of the appearance and development of cities.

Within the last fifty years, against the background of disputes and debates one can observe emergence of the idea that can unite the efforts of the adherents of densification and the adherents of urban extension. This idea suggests that the emotions and feelings of urban residents should be taken into economic consideration alongside with such issues as transport, security

systems, canalization and other “tangible” constituents of city life. It is gradually becoming evident that such factor as citizens’ happiness is as important for city economy as the average per capita income or the public facilities fees. The only criterion of successful development of a city is how happy its citizens feel.

The opposing, but equally negative tendencies of urban development are caused by the aspiration to narrow the definition of happiness, to impose the frameworks on it and to cut off everything unnecessary. The intention of “warming up” the urban milieu, of whipping up hysteria of never ending holiday, of having unlimited consumption growth, etc. stimulates the shrinkage of the city. The more the housing density is, the more actively people interact, the faster money and other informational substances circulate in the city, the brighter life is. On the contrary, urban sprawling causes “cooling

дает город, подвергшийся жестокой встряске»¹³.

Эти хлесткие строки написаны в ситуации, когда фаза сжатия, начавшаяся в 10–20-х годах XX века, подходила к концу. Приближалась фаза экстенсивного расширения городов, характерная для 60-х годов и нескольких последующих десятилетий.

Соответственно, строительство пригородных массивов в этот период обосновывалось рассудочными аргументами – в первую очередь экономическими. Против них-то и направлен обличительный пафос книги Джекобс. Однако ее гневные и горькие наблюдения вполне справедливы и для противоположного периода, когда экономическими интересами обосновывается уплотнение и перестройка исторического ядра города.

В том же 1961 году вышла книга Льюиса Мамфорда «Город в истории»¹⁴, признанная великой уже в год издания. Сравнивая ее с произведением Мамфорда «Культура городов», вышедшим в 1938 году¹⁵, легко заметить, как меняется стилистика и аргументация автора. Конец 30-х – период, когда идеи сжатия городов победно наступали, когда Москва и Берлин подвергались массивной перестройке под личным руководством диктаторов, а Нью-Йорк и Чикаго застраивались небоскребами. Мамфорд выдвигает идею города как «цивилизационной машины», предлагая включить в сферу рассудочного анализа отношения между людьми и структуру социальных связей – «экономику культурного наследия». Спустя 22 года, на излете периода сжатия, Мамфорд в «Городе и истории» создает уже поэтическую, почти мистическую картину возникновения и развития городов. Сакральная, религиозная функция города объявляется ведущей – город возникает и развивается, как отражение диалога между Человеком и Богом, между материальным и духовным. Даже городские стены, по Мамфорду, возникают не для защиты от врага, а для символического разделения сакрального и мирского пространств. Соответственно, центр города аналогичен храму, а окраины и пригороды – это лишь оболочка, стенка «социокультурного контейнера», которым и является город.

Любопытно отметить, что Мамфорд неоднократно обращается к идеям Эбинезера Говарда (Хоурарда),

который за 60 лет до него в очень похожем ключе писал об идее городов-садов, идее, которая до сих пор служит основанием для теорий разуплотнения городов и развития пригородов.

За последние 50 лет можно наблюдать, как из-под разногласий и полемики всплывает мысль, способная соединить усилия сторонников уплотнения и сторонников расширения городов. Это идея о том, что эмоции и переживания жителей города следует включать в экономическое рассмотрение, наряду с развитием транспорта, систем безопасности, канализации и прочих «материальных» составляющих жизни города. Постепенно осознается тезис о том, что счастье горожан – столь же важный фактор экономики города, как средний доход на душу населения или стоимость коммунальных услуг. Собственно говоря, это тот самый интегральный фактор, к которому и должны сводиться все частные параметры. Единственное мерило успешности развития города – то, насколько счастливыми чувствуют себя его жители.

Практическому освоению этой довольно очевидной идеи мешает сильное отставание современных представлений о сущности эмоций и счастья как эмоционального состояния. Понятие счастья окутано густым туманом разночтений, домыслов и почти мистического отношения. Немногочисленные попытки внятного, ясного и логического подхода к понятию счастья обычно приводят к катастрофическому сужению этого понятия. Так, один из самых признанных авторитетов в области психологии счастья Майкл Аргайл приводит список утверждений, описывающих максимально счастливого человека. Чем более вы согласны с этими утверждениями – тем вы счастливее. Вот этот список:

1. Я невероятно счастлив
2. Я чувствую, что будущее переполнено надеждами и перспективами
3. Я полностью удовлетворен всем в своей жизни
4. Я чувствую, что целиком контролирую все стороны своей жизни
5. Я ощущаю, что жизнь переполнена подарками
6. Я в восторге от своей жизни
7. Я всегда влияю на события в нужном мне направлении

12. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. NY: Random House, 1961.

13. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

14. Mumford L. The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. NY: Harcourt, Brace & World, Inc., 1961. P. 657.

15. Mumford L. The Culture of Cities. NY: Harcourt, Brace and Company. 1938. P. 586.

^ Так воспринимается город регулярной плотной застройки в те периоды, когда преобладает тенденция к расширению и «остыванию». То, что выглядело как экономический и эстетический идеал, теперь вызывает лишь тяжелые, мрачные и депрессивные ощущения. Обложка альбома группы Пинк Флойд «Энималс» (1977). Электростанция Баттерси в Лондоне на много лет превратилась в символ города, подавляющего все человеческое

8. Я обожаю жизнь
9. Меня чрезвычайно интересуют другие люди
10. Я с легкостью принимаю любые решения
11. Я способен взяться за любое дело
12. Я всегда просыпаюсь отдохнувшим
13. Я чувствую, что энергия во мне бьет через край
14. Весь мир представляется мне прекрасным
15. Я ощущаю, что мне присуща совершенная живость ума
16. Я чувствую себя здоровым на 100%
17. Я люблю всех людей
18. Все происшедшее кажется мне чрезвычайно счастливым
19. Я все время радуюсь и пребываю в приподнятом настроении
20. Я сделал все, чего когда-либо желал
21. Мне удастся успеть все, что я хочу сделать
22. Мне всегда весело в окружении людей
23. Я всегда подбадриваю окружающих
24. Моя жизнь полна смысла и имеет цель
25. Я всегда ощущаю привязанность и сопричастность
26. По-моему, мир – это превосходное место
27. Я очень часто смеюсь
28. Я думаю, что выгляжу очень привлекательно
29. Мне все кажется забавным и интересным¹⁶

Образ восторженного идиота, который создается при прочтении всего списка подряд, возникает неслучайно. Таков образ счастья «эпохи сжатия», когда уплотняющаяся среда города вызывает быстрый «разогрев» его эмоциональной атмосферы, и представление о счастье как о некоем экзотическом, истерическом состоянии становится преобладающим. Стремление к «разогреву» городской среды, к нагнетанию истерики непрерывного праздника, неограниченному росту потребления и так далее – все это стимулируется сжатием города. Чем выше плотность застройки, тем интенсивнее взаимодействие между людьми, тем быстрее вращаются в городе деньги и прочие информационные сущности, тем ярче и интереснее жизнь. Напротив, разрыхление и расплывание ткани города вызывает «остывание», рост удельного веса равномерной, спокойной и задумчивой жизни «ближе

down”, increase in the ratio of calm and meditative living “closer to the earth”. In both cases negative tendencies occur when one part of the city’s population impose their idea of happiness on the other part.

Different emotional spheres form corresponding types of the concepts of human happiness. Each type is connected with a certain complex of ideas of the proper correlation between the center and the suburbs, and of the city image in general. The psychohistorical pendulum swings from the fever of economic boom, when the overheated city center melts into new forms, to the “cool” periods, when extensive development of suburbs is accompanied by slower economic processes. But in all the times and periods of century-long cycles the main aim of town planners is the urban milieu where everyone can find a place for his or her happiness. So that no one will leave the city unsatisfied.

к земле». И в том, и в другом случае негативные тенденции рождаются, когда одна часть населения города навязывает свой образ счастья другой его части. Стремление сузить понятие счастья, загнать его в рамки и отсечь все лишнее – это как раз и есть та причина, которая вызывает противоположные, но равно безобразные явления в развитии городов. Гармоничное и устойчивое развитие города связано с высоким уровнем толерантности его жителей и правящих элит.

Принстонский социолог Джеральд Фруг сформулировал эту идею как «принцип гетерогенности». Вслед за Робертом Парком и Льюисом Виртом, он утверждает: ключевое отличие города от любой другой населенной местности заключается в его социальной гетерогенности. «Начиная с Вирта до настоящего времени, социологи обнаружили, что города не только привлекают, но и вызывают умножение социальных групп. Города производят субкультуры (используя примеры работ Клода Фишера) фанатов блюграсс музыки, миссионеров новых религиозных сект, профессиональных преступников, палестинских владельцев магазинов...»¹⁷ И у каждой из этих страт имеются свои образы счастья, которые формируют специфический образ жизни и за которые каждая социальная группа готова сражаться – экономическими, а если придется, то и насильственными способами.

Что происходит с нашими городами сейчас? В какой фазе мы находимся и каких поворотов нам ждать в ближайшие десятилетия в отношении к вечному «вопросу пригородов»? Фаза расширения, начавшаяся в середине прошлого века, сменилась фазой сжатия уже в восьмидесяти годах, во времена строительного бума. Не означает ли это, что цикл сократился и период обращения противоположных тенденций стал равен не ста десяти, а всего шестидесяти годам? Если так, то нам следует ожидать нового наступления города на прилежащие территории. Будут появляться новые микрорайоны и поселения, причем вдруг окажется, что это очень разумно и выгодно. В расширение городских пространств будет вкладываться большие деньги – со всеми обычными для больших денег околзаконоными эффектами. Возможно, снова появится в

16. Аргайл М. Психология счастья. СПб. : Питер, 2003. 272 с.

17. Frug, Gerald E. City Making : Building Communities without Building Walls. Princeton University Press, 1999. 271 p.

поле зрения проект Иркутской агломерации. А противники идей субурбии станут горячо и поэтично призывать к эстетическому совершенствованию центральной части города, которую наконец-то перестанет корчить горячка строительного бума.

А возможно, все будет происходить в том же вековом ритме – тогда нас ждет еще несколько десятилетий уплотнения и кристаллизации структуры городского центра и пренебрежительного отношения к окраинам. Местный и пришлый бизнес будет предпочитать вливать новые средства в перестройку и перепланирование центра, насыщение его все более плотными потоками информации, людей, товаров.

Однако очень хочется надеяться, что главной задачей градостроителей на этот раз станет такая среда городов, в которой каждый может найти место для своего счастья. И пусть никто не уйдет обиженным из такого города.

v Пример решения переходного периода между стадиями расширения и сжатия. Жилой комплекс Ла Мюетт в пригороде Парижа Дранси, построенный в 1930–1934 гг. по проекту архитекторов Эжена Бодуэна и Марселя Лодса. В отличие от проектов двадцатых годов (например, город-сад Тернье, 1919–1920), Дранси выполнен в духе уже наступающей стадии сжатия. Он плотно застроен поставленными в ряд пятнадцатизэтажными односекционными (так называемыми башенными) домами, к каждому из которых примыкают два трех-, четырехэтажных секционных корпуса. В строительстве жилых домов этого комплекса была применена поточная организация работ. Был также использован металлический и железобетонный каркас с заполнением из легких сборных бетонных плит, изготовлявшихся на заводе.

Эти 15-этажные небоскребы ругали за все, но особенно за то, что рабочие, которые будут в них жить, слишком легко смогут превратить их в крепость. А потому, чтобы избежать какой бы то ни было опасности, вместо рабочих в небоскребах Бодуэна и Лодса поселили... полицейских (Швидковский О., Хан-Магомедов С. Архитектура капиталистических стран // Всеобщая история искусств. Т. 6. Кн. 1. Искусство 20 века / под ред. Б. Веймарна, Ю. Колпинского. М.: Искусство, 1965. С. 932)

408 DRANCY. — Les Premiers Gratte-Ciel de la Région Parisienne